гонѣ было до 500 головъ и болѣе 200 головъ закуплено было для отправки въ Константинополь и Александрію.

Первыми поселенцами Тамбовской губерніи несомнѣнно были *мещерцы* и *мордовцы*. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ книгѣ г. Дубасова «Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края» объ этихъ двухъ народностяхъ, видно, что мещерцы уже давно слились съ русскимъ населеніемъ и потому отъ нихъ не осталось никакихъ національныхъ преданій. Извѣстно только, что съ самаго начала русской исторіи и до XVII вѣка Тамбовскій край именовался по преимуществу Мещерскою стороною. Значитъ, большинство народонаселенія было здѣсь искони именно мещерское. Но мещера всегда отличалась крайне мирнымъ характеромъ, а потому, подъ вліяніемъ набѣговъ половцевъ, хазаровъ и иныхъ воинственныхъ степняковъ и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ татарскаго ига, она подвергалась медленному и безповоротному вымиранію и обезличенію.

Единственными ея національными памятниками служатъ въ настоящее время спасскіе мещерскіе женскіе костюмы и своеобразный выговоръ многихъ русскихъ словъ, наблюдаемый въ особенности въ селахъ Кириловѣ, Сядемкѣ и Красной Дубровѣ.

Прочнѣе мещеры оказалась мордва. Что послѣдняя раньше русскихъ населяла теперешнюю Тамбовскую губернію, это доказывается мордовскими названіями мѣстныхъ городовъ, селъ и урочищъ. Самое названіе губернскаго города Тамбова есть, по всей вѣроятности, мордовское. По мордовски «Тамбовъ» значитъ «омутъ».—Недалеко отъ Тамбова есть рѣчка Нару-Тамбовъ. Справляясь съ мордовскимъ словаремъ, узнаемъ, что Нару-Тамбовъ означаетъ «травяные омуты», что весьма подходитъ къ свойствамъ названной нами рѣчки.

Въ настоящее время среди тамбовской мордвы сохраняются весьма скудныя преданія о послѣднихъ временахъ ея самостоятельности и о татарскихъ набѣгахъ. Свѣжѣе всего въ памяти мордвы сохранились преданія о нападеніяхъ на нее ногайскихъ татаръ. Въ мордовскихъ селахъ и доселѣ еще поютъ пѣсни, содержаніемъ своимъ указывающія на скорбное положеніе и бѣдствія тамбовскаго племени.

До обращенія въ христіанство, совершившагося окончательно въ царствованіе Императрицы Еаатерины Петровны, мордва исповѣдывала многобожіе. Главнѣйшій мордовскій богъ назывался Вярдя-шкой. но ему мордва почти никогда не молилась, считая его существомъ слишкомъ недоступнымъ для людей. Остальные мордовскіе боги существовали будто бы попарно. Такъ были боги: Мастаръ-ате (отецъ земли) и Мастаръ ава (мать земли), Вѣдь-ате (отецъ воды) и Вѣдь-ава (мать воды) и т. д.

Изъ языческихъ мордовскихъ праздниковъ въ настоящее время извѣстны только два. Одинъ—въ честь полевыхъ боговъ, другой—въ честь домовыхъ. Первый праздникъ происходилъ въ полѣ и состоялъ, главнымъ образомъ, во всеобщемъ пированіи съ пѣснями и плясками, причемъ кости, оставшіяся отъ трапезы, бросались въ воду. Въ рѣкѣ Чіушѣ, протекающей у с. Покровскихъ Селищъ, Спасскаго уѣзда, и теперь указываютъ мѣсто, куда бросали жертвенныя кости, чтобы предохранить ихъ отъ съѣденія домашними животными. Мѣсто это называется «Пакарнь Тамба» — костяной омутъ.

Обряды въ честь домоваго бога совершались мордвою уже безъ особенной торжественности и каждымъ семействомъ на своемъ дворѣ. Въ этомъ случаѣ сперва было моленіе, а потомъ на ночь старики клали на столахъ маленькіе хлѣбы и, если на утро хлѣбовъ не оказывалось на мѣстѣ, то это считалось добрымъ предзнаменованіемъ: значитъ, домовой богъ принималъ жертву.

При родинахъ особыхъ обрядовъ у языческой мордвы не было. Имя новорожденному давала повивальная бабка. Если отецъ новорожденнаго, во время родовъ, былъ въ лѣсу, то давалось имя, выражавшее какую-нибудь принадлежность лѣса. А если отецъ былъ въ полѣ, то новорожденнаго нарѣкали названіемъ того хлѣба, который сѣялъ или косилъ отецъ, или—того урочища, гдѣ онъ работалъ.

Свадебные обряды, по преданію, совершались у мордвы слѣдующимъ образомъ: Отецъ жениха высматривалъ невѣсту и если она ему нравилась, то онъ бралъ хлѣбъ съ медомъ, верхомъ подъѣзжалъ къ ея дому, бросалъ хлѣбъ черезъ заборъ на дворъ и притомъ старался, чтобы его замѣтили, а затѣмъ скакалъ домой. Отецъ невѣсты или братья ее немедленно отправлялись за нимъ въ погоню и, если не желали породниться съ нимъ, то догоняли его и возвращали хлѣбъ съ медомъ; въ противномъ случаѣ погоню дѣлали только для виду, а по возвращеніи съ погони, созывали родныхъ и сосѣдей и ѣли съ ними подброшенный хлѣбъ.

Самый обрядъ брака совершался какою-нибудь пожилою женщиною, которая брала у жениха шапку, а у невѣсты ленту, тѣмъ и другимъ водила нѣсколько разъ надъ ихъ головами и потомъ надѣвала на невѣсту шапку, а на жениха ленту. Тѣмъ и кончалось бракосочетаніе. Близкое родство нисколько не служило препятствіемъ къ браку. Изъ одной мордовской пѣсни видно, что вдовы должны были выходить замужъ за братьевъ умершихъ своихъ мужей, а вдовцы—жениться на свояченицахъ.

Касательно мордовскихъ погребальныхъ обрядовъ извѣстно только, что мордва съ умершими клала въ могилу всѣ ихъ любимыя вещи и рабочіе инструменты. Съ дѣтьми клали въ могилу ихъ игрушки и тѣ сосуды, изъ которыхъ они принимали пищу. На это, между прочимъ, указываютъ случайныя раскопки старинныхъ мордовскихъ кладбищъ. Мордва совершала также поминовеніе своихъ умершихъ. Съ этою цѣлью родственники шли на могилы, преимущественно ночью, привязывали около могилъ быковъ или барановъ, молились и затѣмъ рѣзали животныхъ и пировали.

Относительно нравовъ и обычаевъ теперешней мордвы, въ вышеназванной книгѣ г. Дубасова содержатся также небезъинтересныя свѣдѣнія; между прочимъ г. Дубасовъ останавливаетъ свое вниманіе на существующихъ у мордовцевъ странныхъ понятіяхъ о приличіи, заключающихся, напримѣръ, въ томъ, что молодая мордовка ни за что не покажется свекру или другому какому нибудь пожилому своему родственнику босая и безъ головнаго покрывала. Въ этихъ видахъ мордовки даже спятъ въ обуви, въ мѣхахъ, или въ большихъ сапогахъ. Между супругами эти приличія доходятъ даже до того, что они никогда не называютъ другъ друга по имени, а вмѣсто того употребляютъ мѣстоимѣнія, или же прилагательныя, означающія какія нибудь недостатки того или другой.

Что касается мордовскаго языка, то слѣдуетъ замѣтить, что онъ въ лексическомъ отношеніи самый бѣдный и въ настоящее время видимо исчезаетъ.

Въ мордовскомъ языкѣ имена существительныя не различаются по родамъ, а глаголы имѣютъ пять наклоненій: неопредѣленное, изъявительное, желательное и уступательное. Чистаго мордовскаго языка въ настоящее время уже нѣтъ и мордовская рѣчь, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ существующихъ мордовскихъ пѣсенъ, часто перемѣшивается съ русскими словами.

Многія мордовскія села, напр., Леплейка, Вечуткино и Кельгенино, замѣтно сливаются съ русскимъ населеніемъ и уже недалеко, повидимому, то время, когда вся мордва окончательно сольется съ массою русскаго народа.

Пр. В.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ „S.-Petersburger Herold“ сообщаютъ, что одному французскому инженеру пришло на мысль предоставить возможность кораблямъ, находящимся въ открытомъ морѣ, посредствомъ подводнаго кабеля сообщаться съ берегомъ. Онъ предполагаетъ отъ главнаго кабеля провести боковыя до поверхности моря, прикрѣпивъ ихъ къ особымъ поплавкамъ. Тогда кораблямъ стоитъ только свой аппаратъ соединить у поплавка съ кабелемъ и получится полная возможность телеграфировать. Опыты въ этомъ родѣ имѣютъ быть произведены при кабелѣ между Марселью и Алжиромъ.

Фотографъ Луи-Доръ снялъ фотографическій видъ города Ліона и Ронскаго моста при лунномъ свѣтѣ. Снимки удались какъ нельзя лучше; всѣ предметы отчетливо выступаютъ на нихъ и отблескъ газовыхъ рожковъ на поверхности воды вышелъ чрезвычайно яркимъ. Для воспроизведенія этихъ фотографій, Луи-Доръ употребилъ новоизобрѣтенныя чувствительныя пластинки Люмьера («Science pour tous»).

На дняхъ, въ брюссельской академіи наукъ, извѣстный ученый зоологъ Дельбефъ прочелъ весьма любопытную лекцію о сравнительной силѣ различныхъ животныхъ. На основаніи своихъ долголѣтнихъ наблюденій, Дельбефъ пришелъ къ заключеніямъ, совершенно опровергающимъ нѣкоторыя весьма распространенныя въ обществѣ предубѣжденія. Вообще полагаютъ, что животное, одаренное силою мускуловъ, пропорціональною его величинѣ или росту, дѣлая прыжки, можетъ подниматься на гораздо большую высоту, чѣмъ животное малой величины. Но это предположеніе ошибочно и ему прямо противорѣчатъ наблюденія надъ стрекозами, кузнечиками и саранчею разныхъ величинъ, хотя и безусловно тождественнаго строенія. Крупная и мелкая стрекоза, дѣлая скачки, поднимается на совершенно одинаковую высоту, около 60 сантиметровъ. Высота, до которой всякое животное можетъ поднять свое тѣло, составляетъ прямой результатъ напряженія его мускуловъ, исполняющихъ роль двигателей, причемъ тяжесть тѣла находится въ прямомъ отношеніи съ ихъ упругостью, обусловливающею ихъ силу. Для подъема болѣе грузнаго тѣла требуется и большее усиліе, и наоборотъ, что и приводитъ къ однимъ и тѣмъ же относительнымъ результатамъ. Если бы мелкая стрекоза имѣла въ своемъ тѣлѣ столько же силы, какъ большая, то понятно, что она могла бы прыгать гораздо выше дѣлаемыхъ ею прыжковъ. Крупная стрекоза имѣетъ безспорно больше силы, но эта сила необходима ей для подъема соотвѣтствующей тяжести ея тѣла, поэтому, не взирая на гораздо большую силу своихъ мускуловъ, она, во время своихъ прыжковъ, не поднимается выше мелкой. Человѣкъ самый ловкій, дѣлая прыжокъ, не можетъ подняться надъ землею выше 50 или 60 сантиметровъ (безъ малаго аршинъ); то же самое и лошадь, и если она перепрыгиваетъ высокіе барьеры, то это намъ кажется потому, что она сгибаетъ и вытягиваетъ свои ноги, но не вслѣдствіе чрезвычайной силы ея мускуловъ, позволяющихъ ей поднимать свой центръ тяжести на большую высоту. Собака меньше ростомъ и скачетъ сравнительно выше. Продолжительныя наблюденія надъ движеніями рослыхъ животныхъ привели Дельбефа къ заключенію, что чѣмъ она больше, тѣмъ меньше ихъ строеніе позволяетъ имъ подниматься съ земли. Чтобы грузныя животныя могли прыгать въ верхъ, хотя бы на тридцать сантиметровъ, строеніе ихъ тѣла должно быть такое же, какъ у стрекозы; но даже и въ такомъ случаѣ они не могли бы подняться выше, такъ какъ тяжесть ихъ тѣла будетъ парализировать силу ихъ мускуловъ («J. des Déb»).

Печ. въ Курской Губернской Типографіи. За Редактора Н. Чоглоковъ.